

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
13 (76)

ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 5

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ТЕМАТИЧЕСКИМ ПОДЛЕЖАЩИМ В КУРДСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В вводных замечаниях к варианту известного курдского эпического произведения „Siabendê Siliv û Xesa Zerîn“ („Сиабанд сливийский и прелестная Хадже“), записанному А. А. Джангоевым от представителя племени зукри,² мы имели случай остановиться на особом типе предложения с тематическим подлежащим:

(1) Xesê — dilê wê şewitî, Xesê girîya (Cango, Siabend, 366) ‘Хадже взволновалась (собств. ‘Хадже охватила тревога, жалость’), Хадже заплакала’, букв. ‘Хадже — сердце ее сгорело’, т. е. ‘сердце ее защемило’.

Сущность такого предложения заключается в том, что в его составе так называемое тематическое подлежащее (Xesê) предидируется не при посредстве слова или словосочетания, а целым предложением (dilê wê şewitî) со своим подлежащим (dilê wê) и сказуемым (şewitî), причем в предидирующем предложении субъект высказывания (Xesê) еще раз назван посредством местоимения (wê), выступающего здесь в роли второстепенного члена предложения, в нашем примере — в виде изафетного определения. Это местоимение — второстепенный член предложения (wê) и соотносит предидирующее предложение (dile wê şewitî) с тематическим подлежащим (Xesê).³

Предложение с тематическим подлежащим в неодинаковой степени употребляется в отдельных говорах курманджи, однако оно встречается повсюду, особенно в эмоционально насыщенном тексте фольклорных

¹ Доложено в заседании лингвистической секции Ленинградского отделения Института народов Азии 18 октября 1961 г.

² А. А. Джангоев, И. И. Цукерман. Курдские тексты. „Иранский сборник“, 1963, стр. 219—248. В дальнейшем примеры из этого текста обозначаются: Cango, Siabend; другие источники для примеров условно обозначены: Cindî, Folklor — H'. Cindî. Folklor kurmançiyê. Yêrêvan, 1957; Cindî, H'ik'yat — H'. Cindî. H'ik'yatêd cimae'ta k'urdîyê, I. Yêrêvan, 1961; Folklor — H'. Cindî, E. E'vdal. Folklor kurmanca. Yêrêvan, 1936; Şamîlov, Bextewarî — E'. Şa mîlov. Jiyîna bextewar. Yêrêvan, 1959; Şamîlov, K'eçelok — E'. Şa mîlov. Sê k'eçelok. Рукопись.

³ Подобные конструкции в персидском языке обстоятельно разобраны в работе Л. С. Пейсикова „Вопросы синтаксиса персидского языка“ (М., 1959, стр. 187—196, 380—387), там же даны ссылки на предшествующую литературу.

повествований. Такие предложения можно было бы различать прежде всего в зависимости от того, каким членом отражено тематическое подлежащее в предидирующем предложении. С этой точки зрения наиболее распространенным является отражение тематического подлежащего в виде изафетного определения с различными функциями в составе предидирующего предложения. Ср. с приведенным выше примером:

тематическое подлежащее отражено в предидирующем предложении в виде изафетного определения по обладанию:

(2) *Mervek — kuḩekî wî hebûye* (Cindî, Folklor, 181) 'У одного человека был сын'.

(3) *Bazirgan — bi h'ezar deve-delîl, hesp-extirmê wî hebûn* (Cango, Sîabend, 46) 'Каравану принадлежали тысячи верблюдов и лошадей'.

(4) *Kurmancêd E'nt'abê — du p'ayê wî rie't bûn, k'oçer kê m bûn* (Şamîlov, Bextewarî, 6) 'Две части курдов Антаба были оседлыми, кочевников мало было', букв. 'Курды Антаба — две части его оседлыми были...'

Чаще всего встречаем то же изафетное определение в составе фразеологизмов:

(5) *Ew qewazê p'adşa — h'eft sala dilê wî carîêda bû* (Cindî, H'ik'iyat, 117) 'Тот царский посыльный семь лет как был влюблен в служанку', букв. 'Тот царский посыльный — семь лет сердце его у служанки было'.

(6) *Sîabend û Xecê — e'şq-mih'beta wan za'f çû bal hev* (Cango, Sîabend, 126) 'Сиабанд и Хадже очень полюбили друг друга'.

(7) *H'ecî Bek'o — ji şabûna lingê wî e'rdê nak'eve* (Cango, Sîabend, 193) 'От радости Гаджи Бако ног под собой не чует', букв. 'Гаджи Бако — от радости ноги его земли не касаются'.

(8) *Zinê — şev-го xurê wê bû girî û hêsr* (Cindî, Folklor 38) 'Зине день и ночь только и делала, что плакала'.

(9) *Sîabend — h'eta ç'a'vê wî qeyas dike, deşteke raste, pêda kon danîne* (Cango, Sîabend, 116) 'Насколько может различать глаз Сиабанда — ровная степь и по ней шатры'.

(10) *Memê — aqilê wî t'u bora nebiîrî, hat ku derê* (Cindî, Folklor, 12) 'Маме не признал [годным] ни одного из коней и хотел было уйти'.

В нижеследующем примере отношения осложнены: *dilê wî* в составе предидирующего предложения выполняет роль объекта направления:

(11) *Berê qaçax — ricafek k'ete nav dilê wî, tirsya* (Şamîlov, K'eçelok) 'Сперва разбойник было испугался'.

Ср. в примере 12 то же отношение, но вместо изафетного определения употреблено энклитическое местоимение, отражающее тематическое подлежащее:

(12) *Sîabendê Silivî — rokê hevalêd wî k'etine bîrê* (Folklor, 495) 'Как-то вспомнились Сиабанду сливийскому его товарищи', букв. 'Сиабанд сливийский — как-то пришли ему на память его товарищи'.

Ср. также изафетные определения (отражающие тематическое подлежащее) в составе посессивно-глагольной формы:

(13) Lê dinihêrin, sê kevtoka — bû p'îrinya wan, ser kanîê danîn (Cindî, H'ik'yat, 166) 'Видят они, три голубки, хлопая крыльями, пустились на родник'.

(14) Qaz — dive çirreçirpa wana, nava avê gula duxun (Cindî, H'ik'yat, 50) 'Гуси, хлопая крыльями, едят в воде розы'.

То же с косвенным падежом тематического подлежащего ввиду глагольной формы харин:

(15) Qaza — bû çirreçirpa wana, gul харin (Cindî, H'ik'yat, 51) 'Гуси, захлопав крыльями, стали есть розы'.

Тематическое подлежащее нередко отражено в предидирующем предложении в виде косвенного дополнения, выраженного энклитическим местоимением (пример 16; ср. также примеры 25—27) или семантической структурой предложного наречия, употребленного в функции обстоятельства (пример 17).

(16) K'oçer — şev deng pê k'et, bar kirin (Cango, Sîabend, 4) 'Ночью среди кочевников прошел слух, они снялись'.

(17) Kuîê mîre e'reba — xûn li-ber bû gol, nav hevîra hildan, birin çadirê (Cango, Sîabend, 319) 'Около сына эмира арабов — озеро крови, подняли его и отнесли в шатер'.

Нас, однако, интересует не различие форм отражения тематического подлежащего в предидирующем предложении, а то, что объединяет все конструкции с тематическим подлежащим. При каких обстоятельствах возникают такие предложения?

Можно заметить, что во всех приведенных примерах субъект высказывания, выраженный тематическим подлежащим, невозможно было бы (опираясь на существующие языковые формы) предидировать непосредственно, в его цельности. Во всех случаях субъект высказывания (истинный субъект, который и выносится в качестве тематического подлежащего) определяется либо окольно (ср. примеры 16, 17), либо через принадлежащий ему предмет, действие, часть тела, умственную деятельность, переживание и т. д.: 'сын его имелся' = 'он имел сына'; 'глаз его различает' = 'он различает'; 'сердце ее сторело' = 'она опечалилась'; 'ум его резал' = 'он понял', 'он определил'; 'трепет проник в его сердце' = 'он испугался'; 'пришло ему на память' = 'он вспомнил'; 'хлопанье их возникло' = 'они захлопали' и т. д. Конструкция с тематическим подлежащим первоначально и возникает, по-видимому, как средство преодоления такого рода семантической и синтаксической идиоматики. Идиоматично не только aqilê min pavîge 'ум мой не режет' = 'я не пойму', 'я не сообразу', но (в синтаксическом аспекте) также du kuîe min hene 'два сына моих имеются' = 'у меня два сына', 'Ich habe zwei Söhne'; bû çirreçirpa wana 'возникло их хлопанье' = 'они захлопали' и т. д.

Следовательно, конструкция Хесê — dilê wê şewitî возникает на почве выражения dilê Хесê şewitî. Ср. примеры 18, 20, 22 с 19, 21, 23.

(18) Pîrek hebû; çend zêrê pîrê hebûn (Cindî, Folklor, 165) 'Была старуха, у старухи было несколько золотых'.

(19) E'slan-p'adşa — wextekê ç'yakî wî hebûye (Cindî, H'ik'yat, 53) 'Некогда у царя Аслана была гора', букв. 'Царь Аслан — некогда гора его имелась'.

(20) Min t'u xravî li we nekiriye, gunê min li we hatiye, wefa xezal girtiye (Cindî, Folklor, 18) 'Я вам ничего плохого не сделал, я вас пожалел, поймал для вас газель'.

(21) Canim, were em heřin, mêrik — h'eyfa wî li me hatiye, mefa nêç'îr girtiye (Cindî, Folklor, 17) 'Дорогие мои, давайте-ка пойдем, человек пожалел нас, поймал для нас дичь'.

(22) Tu dinhêrî, Zuhre nexweşe, halê wê t'une (Cindî, H'ik'yat, 117) 'Ты видишь, Зухра больна, не по себе ей'.

(23) Qewaz lê nihêrî, wekî Zuhre — halê wê t'une (Cindî, H'ik'yat, 117) 'Посыльный видит, что Зухре не по себе'.

Так как обе конструкции сосуществуют, легко определить, что несет с собой тематическое подлежащее: возможность непосредственно и, следовательно, с большей степенью выразительности предидировать субъект высказывания. В этом легко убедиться, если лишить, например, предложение 19 тематического подлежащего. В конструкции *wextekê ç'yakî E'slan-p'adşa hebûye* на первый план выдвинулось бы имя существительное *ç'ya 'гора'*, но не *E'slan-p'adşa*, стоящий в центре повествования. Такое предложение не годится для зачина, привлекающего внимание к *E'slan-p'adşa*. Вот как начинается это повествование при его повторении на стр. 59: *Wextekê p'adşak hebû, navê wî E'slan-p'adşa bû. Ç'iyakî wî qorixkirî hebû... 'Некогда был царь по имени царь Аслан. Была у него огороженная гора...'* Такое начало по степени выделенности *E'slan-p'adşa* не уступает предложению *E'slan-p'adşa — wextekê ç'yakî wî hebû*. Таким же точно образом строится зачин сказки в примере 18. После того, как оповещено *Pîrek hebû*, и, следовательно, обычным образом выражен истинный субъект *pîrek*, вполне допустим относящийся к субъекту притяжательный оборот *çend zêrê pîrê hebûn*. Но неуместно начинать с притяжательного оборота *Çend zêrê pîrê hebûn*, так как в этом случае на первый план выдвигается *çend zêr*. Зато здесь возможно применение тематического подлежащего, что тоже создает надлежащий эффект для зачина: *Pîrek — çend zêrê wê hebûn*. Ср. пример 2 — *Mervek — kuřekî wî hebûye* (начало сказки).

Можно, разумеется, обнаружить немало примеров, когда повествование начинается непосредственно с притяжательного оборота, но в таких случаях субъект высказывания затенен. Ср.:

(24) Dilê kuřekî dik'êve qîzekê (Cindî, Folklor, 183) 'Юноша влюбляется в девушку' (настоящее историческое, собств. 'Юноша влюбился в девушку').

В этом предложении субъект не выделен, важна мысль в ее цельности.

Курдский язык дает нам примеры выделения не только тематического подлежащего, но также своеобразного тематического дополнения.⁴ Ср.:

(25) Dayê, vî mêvanê e'zîz — te qet e'zet û qulix pêra kirîye? (Cango, Siabend, 296) 'Матушка, а угостила ли ты дорогого гостя?', досл. 'Матушка, этого дорогого гостя — ты угощение для него делала?'

(26) Siabend hespê şê — şit'afek dayê... (Cango, Siabend, 90) 'Сиабанд пришил гнедого коня', досл. 'Сиабанд гнедого коня — стремя дал ему...'

(27) H'ecî Bek'o her qîzeke xwe — qent'ere deve pêfa danî (Cango, Siabend, 197) 'Таджи Бако снарядил для каждой из своих дочерей по веренице верблюдов'.

В примерах 26, 27 тематическое дополнение помещается между подлежащим предидирующего предложения и остальным его составом.

При сравнении предложения с тематическим подлежащим E'slan-p'adşa — wextekê ç'yakî wî hebûye (см. пример 19) с обычным построением Wextekê ç'yakî E'slan-p'adşa hebûye процесс представляется таким образом, что имя E'slan-p'adşa как бы выдвигается за пределы „нормального“ предложения. Один из членов предложения (исключая сказуемое) выносится как бы за скобки, приобретая тем самым особую выразительность выделенного или подчеркнутого члена предложения. Внутри же „нормального“ состава предложения остается вместо вынесенного имени замещающее его слово. Такое понимание фактически реализуется при переводе этой конструкции на русский язык, когда мы водворяем вынесенное имя на его как будто исконное место: 'У царя Аслана некогда была гора', но не 'Царь Аслан — некогда у него была гора'.

Однако реально в речи дело обстоит, по-видимому, иначе. Говорящий начинает с подлежащего — E'slan-p'adşa, — но не находя возможности (в силу существующей семантико-синтаксической идиоматики) непосредственно присоединить к нему обычное сказуемое, переориентируется (в данном случае) на притяжательное предложение — wextekê ç'yakî wî hebû, которое и оказывается предикатом по отношению к субъекту.

Так возникает модель предложения с тематически выделенным членом: подлежащим, особым дополнением. Функция такого предложения в развитии сводится к тому, чтобы выделить, подчеркнуть один из членов предложения особым типом предикации, предикацией посредством предложения, в составе которого отражается выделенное имя.

Существуют и иные способы преодоления идиоматики, о которой говорилось выше, например создание сложного глагольных образований, обладающих способностью непосредственной связи с субъектом. Однако это средство, видимо, не нашло такого развития, как выдвигание тематического подлежащего. Ср.:

⁴ Поэтому в упомянутом введении к тексту *Siabend'a* (см. сноску 2) мы предпочитаем пользоваться термином „предидируемый член“, охватывающим не только тематическое подлежащее, но и другие тематически выделенные члены предложения.

(28) Wextê qîz ç'e'v Zînê k'etin, h'iş-aqilê wana ji sêri çûn (Cindî, Folklor, 7) 'Когда девушки увидели Зине, они были поражены'.

Итак, предложение с тематическим подлежащим в курдском языке первоначально возникает как средство преодоления идиоматичности сказуемого в тех случаях, когда она препятствует непосредственному предикцированию субъекта в его целостности.

I. I. Tsukerman

SENTENCES WITH A THEMATIC SUBJECT IN KURDISH

In sentences like *Xecê — dilê wê şewitî* 'Xecê got excited', *Silêman — du kuřê wî hebûn* 'Silêman had two sons' the predication to the subject (Xecê, Silêman) is expressed not by means of a word or a group of words but by means of a whole sentence [dilê wê şewitî, lit. 'her heart burnt out', du kuřê wî hebûn, lit. 'his two sons were (there)']. The author considers that such sentences occur as a means of overcoming the semantic or syntactic idiom when it interferes with the expression of the immediate predication to the real subject as a whole.
